

Вадим Панов

Правильное решение

Часть сборника
Таганский перекресток (сборник)

Вадим Панов

Правильное решение

«ЭКСМО»
«Панов Вадим»

2006

Панов В. Ю.

Правильное решение / В. Ю. Панов — «Эксмо», «Панов Вадим»,
2006

«Странное настроение дарит морозное весеннее утро. Не мартовское – заснеженное, еще зимнее, разрывающее легкие холодным ветром, а апрельское, почти майское. Веселое. Светлое. И морозное. Ты идешь по просыпающейся улице, прищуриваешься на яркое солнце, улыбаешься, глядя на голубое-голубое, безо всяких облаков небо... и кутаешься в теплую куртку. На руках перчатки, на голове шапка или капюшон толстовки. И идешь ты быстро, потому что зимние ботинки давно спрятаны в шкаф, а кроссовки не предназначены для минус трех...»

© Панов В. Ю., 2006

© Эксмо, 2006

© Панов Вадим, 2006

Вадим Панов

Правильное решение

Странное настроение дарит морозное весеннее утро. Не мартовское – заснеженное, еще зимнее, разрывающее легкие холодным ветром, а апрельское, почти майское. Веселое. Светлое. И морозное. Ты идешь по просыпающейся улице, прищуриваешься на яркое солнце, улыбаешься, глядя на голубое-голубое, безо всяких облаков небо... и кутаешься в теплую куртку. На руках перчатки, на голове шапка или капюшон толстовки. И идешь ты быстро, потому что зимние ботинки давно спрятаны в шкаф, а кроссовки не предназначены для минус трех.

Тебе не жарко этой весной.

В голых, едва зазеленевших кустах гомонят птицы – им пора создавать семьи, а ломкие ветви покрыты инеем. Птицы надеялись принести с собой весну, но зима оказалась хитрее.

Под ногами хрустит лед. Не тонкая корочка, дымкой затянувшая лужицу, а настоящий лед, на котором проскальзывают переобувшиеся в летнюю резину автомобили. И крепость ночного мороза не оставляет сомнений в том, что зима не ушла, не отступила на север, собираться с силами в ожидании декабря, а затаилась среди городских улиц, спряталась и теперь насмехается над попытками природы вернуться к нормальному течению жизни.

Конец апреля.

Морозно.

Кто-то сошел с ума.

* * *

Димка Орешкин вышел из теплого вестибюля метро, поморщился, отворачивая лицо от торопливого поцелуя холодного ветра, закурил и медленно побрел вниз по улице, внимательно читая названия убегающих направо переулков. Круглая вязаная шапочка, из-под которой торчат длинные волосы, куртка с яркими вставками, молодежный рюкзак – издали Димку принимали за студента, порой – за подростка. Но издали. Вблизи становились заметны и мешки под глазами, и морщинки, и пробивающаяся в волосах седина. Какой студент? Какой подросток? За тридцать мужику.

Тридцать четыре, если быть точным. Один раз был женат. Неудачно. Один раз закончил институт. С тройками. Один раз, напившись, высказал начальнику все, что о нем думал. С тех пор – безработный. Должность системного администратора – как звучит! – в небольшой компании, занимающейся установкой металлических дверей, позволила Димке стать специалистом широкого профиля. Помимо непосредственных обязанностей: следить за тем, чтобы компьютеры работали и не заражались всякой дрянью, а генеральному ничего не мешало шлаться по Интернету, Орешкину приходилось и факсы чинить, и с телефонией сражаться, и картриджи в ксероксах менять. И даже курьерские поручения исполнять, когда генеральному приходило в голову: «Чего это он здесь без дела сидит, если у него все работает?» Платили, правда, неплохо, на жизнь и на снять квартиру хватало, а о большем Димка не задумывался.

И кто, спрашивается, за язык тянул?

Синяк, что поставил чересчур разговарившемуся Орешкину взбешенный генеральный, сошел за неделю. Еще через две, несмотря на чрезвычайную экономию, начали заканчиваться деньги. А устроиться на работу не получалось. И Нина сказала, чтобы не звонил, пока не поумнеет, читай: пока не найдет приличное место. Впрочем, Нина работала диспетчером в дверной фирме, присутствовала на приснопамятной вечеринке, так что еще вопрос, захочет ли она продолжать отношения. Генеральный – мужик незлопамятный, но публичное оскорбление

не простит никогда, и стоит ему узнать, что Нина встречается с наглым программистом, как девушку мгновенно отправят на улицу следом за возлюбленным.

А Орешкин не тот человек, ради которого можно рискнуть будущим. Или настоящим. Рискнуть хотя бы должностью диспетчера.

Офис компании, менеджер по персоналу которой согласился принять Орешкина, располагался на первом этаже жилого дома. Двухзначный номер корпуса обрек Димку на пятнадцатиминутные поиски нужного здания, оказавшегося в итоге «тем самым, о котором он подумал с самого начала» и, более того, расположенного настолько удобно, что дворами от метро к нему можно было пройти гораздо быстрее, чем по улице и переулку. Орешкин с чувством обругал косноязычного менеджера, неспособного толком объяснить простую дорогу, изучил свое отражение в грязной витрине закрытого на ремонт магазина, снял шапку, пятерней попытался привести в порядок прическу, вздохнул и отправился кланяться.

Чего не сделаешь ради денег.

* * *

Засаду подготовили мастерски.

Высочивший из переулка оранжевый мусоровоз перекрыл неширокую улицу, заставив кортеж из «Мерседеса» и трех джипов остановиться в крайне неудобном месте: вокруг лишь фасады домов, ни подъездов, ни магазинов, ни дверей, ни витрин. Позади, захлопывая ловушку, встал огромный тягач, и стрелкам, разместившимся за припаркованными у тротуара автомобилями, оставалось лишь нажимать на спусковые крючки, заливая огнем из автоматов машины неудачников.

Засаду подготовили дерзко.

Кто мог подумать, что в наше относительно спокойное время перестрелку учинят едва ли не в центре города? Утром буднего дня, когда вокруг полно прохожих, а милиция примчится на место происшествия всего через несколько минут.

Засаду подготовили жестоко.

Судя по количеству стрелков и плотности огня, которую они обеспечили, разработчики плана ставили перед собой только одну цель – уничтожить всех, кто попал в ловушку. Не одного-единственного, ради которого все затевалось, а всю свиту.

Нападавшие прекрасно понимали, что главная мишень понадеется на крепость брони «Мерседеса» и покинет лимузин только в самом крайнем случае. И организовали такой случай. Мужчина в черном пальто высочил из автомобиля за мгновение до того, как в лобовое стекло «Мерседеса» влетела кумулятивная граната. Взрывной волной его швырнуло на землю, мужчина замер, но подоспевшие телохранители подняли его на ноги, заставили пригнуться, окружили, четверо закрыли мужчину собой, остальные продолжали стрелять, надеясь прoderжаться до появления милиции, но...

Засаду действительно спланировали великолепно. Это был тир. Не бой – расстрел. Автоматные очереди летели со всех сторон. Упал один из телохранителей. Второй. Через сколько секунд будет уничтожена вся группа? Через десять? И окруженные флажками волки побежали. Вперед. На тех охотников, что укрылись за мусоровозом. К переулку, из которого вынырнула оранжевая громадина. Там могут быть двери, подъезды, ворота, дворы. Там можно укрыться, спрятаться. Там можно выжить.

Люди, разработавшие план засады, предусматривали вариант прорыва. Это были умные и опытные профессионалы, они знали, что прижатые к стенке волки не станут покорно дожидаться смерти. Организаторы тщательно инструктировали стрелков, объясняли, как правильно перекрыть дорогу, кто и кого должен страховать, кто и куда должен уйти, чтобы не перекрывать

напарнику сектор обстрела. Организаторы рисовали планы, четко указывая каждому исполнителю зону ответственности.

Но иногда отчаяние помогает сотворить чудо.

Телохранители не трусили, не запаниковали. Поняли, что им не уйти, и просто сделали то, что должны были сделать. Падая один за другим. Умирая. Они своими телами проложили мужчине в черном пальто путь к спасению.

До мусоровоза добежали пятеро. Их ждали. Ударили в упор. Один погиб мгновенно. Еще двое завязали перестрелку, легли позже, но все равно легли. Последний телохранитель упал, пробежав десять-пятнадцать шагов по переулку. Одна пуля в ногу, две в спину.

Но свое дело ребята сделали: мужчина в черном пальто успел нырнуть во дворы.

* * *

– Ну что же, в целом, если все это... – Менеджер по персоналу постучал пальцем по заполненной анкете и, выдержав паузу, многозначительно посмотрел на Орешкина: – Если все это соответствует действительности, то уровень ваших знаний нас устраивает. У нас солидная компания, и мы берем на работу только людей с опытом.

– Я это уже понял, – кивнул Димка.

Он изо всех сил старался, чтобы голос звучал максимально вежливо. И смотреть на тщедушного юнца старался уверенно. Мол, цену себе знаю. Таких, как я, еще поискать.

А паршивец не спешил. Раскусил он Орешкина, понял, что мужик на мели, и теперь упивался моментом, демонстрируя просителю невиданную свою важность. То галстук поправит, то начнет вертеть в руках авторучку, искоса поглядывая на Димку. Занятой человек на хорошей должности. Есть собственный кабинет – два на три метра – и положение в обществе. Перед начальством молодцеват, с теми, кто от него зависим, – высокомерен. Но в принципе – «хороший парень», в коллективе к нему относятся неплохо, потому что всегда поддерживает компанию. Орешкин же еще не свой, с Орешкиным пока можно не стесняться.

– С телефонными станциями работали?

«Написано ведь в анкете!»

– С «Панасоником», – подтвердил Димка.

– Это хорошо... У нас тоже «Панасоник».

Орешкин едва не выругался.

– В ваши обязанности будет входить ее обслуживание.

– Я справлюсь.

– Надеюсь...

Стервец вел себя так, словно фирма принадлежала ему. И Димка вдруг понял, что если ему повезет и он останется здесь работать, то на ближайшей же вечеринке набьет щенку морду. С такими уродами иначе нельзя.

– Как вы понимаете, – продолжил паршивец, – вы не единственный претендент на место.

Орешкин выдавил из себя улыбку, но промолчал.

– До конца недели мы будем изучать анкеты и в пятницу примем окончательное решение. Не скрою, Дмитрий, вы кажетесь мне наиболее перспективным кандидатом.

– Спасибо.

– Пока не за что. – Юнец откинулся на спинку кресла. – Кстати, не расскажете, за что вас уволили с предыдущего места работы?

Наушники плеера смотрятся естественно в ушах подростка. Для молодого мужчины это украшение уже несколько странно. Для тридцатичетырехлетнего – нонсенс. Но что делать? Димка так и не придумал лучшего способа отключаться от мира. От враждебного и холод-

ного города, наполненного чужими людьми. Они спешат по своим делам, говорят по телефону, ругаются, толкаются, спорят. Они рядом и одновременно – далеко. Им нет никакого дела до «системного администратора широкого профиля», до его проблем, его чувств, его мыслей. У них свои заботы. Вот и пускай они остаются по ту сторону звуковой стены. Если не смотреть в глаза, ты не видишь человека, поэтому Орешкин не часто вглядывался в лица окружающих людей. А врубив плеер погромче, ты и не услышишь человека. И даже в центре города или в переполненном вагоне метро остаешься наедине с самим собой. А когда играет любимая музыка и никто не мешает, действительность кажется не такой убогой, как на самом деле.

Через сорок тысяч лет скитаний
Возвращался ветер к старой маме
На последней дозе воздуха и сна...

Но сегодня не спасал даже пронзительный рок. Не то настроение. Трудно отрешиться от мира, когда в кармане всего сотня баксов, подходит время платить за квартиру, а перспективы самые что ни на есть туманные.

«Возьмут! Конечно, они меня возьмут! Кто еще согласится на такой круг обязанностей и два месяца испытательного срока? К тому же я не студент, во время сессии отпрашиваться не стану и после института не сбегу. Я останусь...»

Возвращаться к метро Орешкин решил дворами. Он не сомневался, что легко найдет правильную дорогу. А даже если и заблудится, то ничего страшного: времени у него много, спешить некуда.

«И фирма вроде солидная, возле офиса одни иномарки стоят. Зацепиться бы! Только зацепиться! И больше никаких фокусов! Хватит с меня, пора за ум браться...»

Поцелуй меня – я умираю,
Только очень осторожно, мама,
Не смотри в глаза, мертвые глаза
Урагана...

Разумеется, на человека в черном пальто Орешкин обратил внимание не сразу. Мало ли кто по дворам шастает? Прошел мимо, поглощенный своими проблемами, однако через несколько шагов резко остановился и обернулся, подсознательно почувствовав: происходит что-то необычное.

Довольно старый мужчина медленно брел к двухэтажному кирпичному домику, стоящему в глубине двора. Длинное черное пальто распахнуто, под ним темный костюм, белая сорочка и галстук – на обычного пенсионера, вышедшего за утренними покупками, мужчина не походил. Походка заплетаящаяся, спотыкается на каждом шагу, но то, что старик не пьян, Димка понял практически сразу: увидел падающие на асфальт капли крови.

«Дела...»

Орешкин растерялся. Что делать? Пройти мимо? Даже не пройти – убежать. Кто знает, почему старик в крови? В такие истории влипать не стоит.

Правильные мысли в голове крутились, верные. Спасительные. Вот только ноги почему-то не слушались. Замер Димка как вкопанный на том самом месте, с которого увидел цепочку кровавых пятнышек. Замер. Без движения.

«Хорошо бы стать невидимым...»

Тем временем старик споткнулся в последний раз и упал на колени. Силы его покидали, но упрямство или инстинкт самосохранения заставляли продолжать движение.

Он пополз. Преодолеl несколько метров на четвереньках, невнятно бормоча что-то на гортанном языке, а потом скатился по ступеням, ведущим к подвальной двери.

Орешкин сглотнул и огляделся. Во дворе было пусто. И тихо. Ни одного человека. Ни собак, ни кошек, ни птиц. Только голос в наушниках поет о разудалом морячке. Чужой голос, ненастоящий, безжизненный. Внезапно Димке захотелось увидеть кого-нибудь. Все равно кого: человека, собаку, кошку, птицу – неважно. Увидеть кого-то, кто продолжает жить обычной жизнью. Кто хмуро идет по своим делам, ежась на морозном весеннем ветру. Не падает. Не оставляет за собой кровавые следы. Димке захотелось увидеть кого-то, кто смог бы вернуть его в нормальный мир.

Не увидел.

Во дворе по-прежнему было пусто.

Неестественно пусто.

«Надо вызвать милицию».

«А вдруг он просто порезался?»

«Тогда надо вызвать „Скорую“.

«А вдруг в него стреляли?»

«Тогда – милицию».

«Пойди посмотри, что с ним случилось, и тогда решишь».

Легко сказать: пойди посмотри.

Но и бросать человека в беде не хотелось. Димка вдруг понял, что не сможет уйти. Не сможет, и все. Не такой уж он и плохой. Нормальный он, не из тех, что мимо проходят.

Орешкин выключил плеер, снял наушники, достал из кармана телефон, крепко сжал пластиковую трубку, так, словно она была оружием, и медленно подошел к лестнице.

– Эй!

Старик полулежал внизу. На грязной и заплыванной площадке, перед ведущей в подвал железной дверью. Резко пахло мочой, и валялся мусор: рваные пакеты из-под чипсов, разбитые бутылки, смятые пивные банки, тряпки какие-то, палки... И мужчина, угрюмо изучающий свой окровавленный живот.

– Вам нужна помощь?

Старик поднял голову. Черные волосы с проседью. Резкие черты лица. Смуглая кожа. Большой нос. Черные глаза.

«Дарагой, бери урюк, хадить будэш в белый брюк!»

Но сейчас не было гвоздик или мандаринов. Перед Орешкиным лежал раненый человек. Просто человек.

– Позвонить в «Скорую»?

– Сюда подойди.

– Вам нужна помощь.

– Ко мне подойди, пацан, я не трону.

Он не тронет! Можно, конечно, посмеяться, но Димке было не до веселья. Во-первых, ситуация не располагала, во-вторых... голос раненого срывался, чуть дрожал, но в нем все равно чувствовалась властность и сила. Настоящая сила. Орешкин вдруг подумал, что, не будь в животе старика дырки, он бы уделал годящегося ему в сыновья Димку одной левой.

Но дырка была. И была кровь. И настойчивая просьба:

– Ты глухой, что ли, а? Подойди, говорю!

Димка сошел по ступеням вниз, присел возле раненого на корточки. На живот Орешкин смотреть боялся, пришлось, вопреки собственным принципам, встретиться со стариком взглядом.

– Русский?

– Русский, – подтвердил Димка.

Раненый поморщился, пробормотал что-то, похоже, выругался.

– Ладно, пусть будет русский. Все лучше, чем этим шакалам ее дарить...

– Каким шакалам? – «За ним наверняка гонятся! Что я наделал?!» На Орешкина накатиł страх. – Давайте я «Скорую» вызову, а вы сами разбирайтесь.

– Поздно, русский, поздно. – Старик усмехнулся. Нет – ощерился. – Мне твоя «Скорая» не поможет, понял? Я умираю. А звонок засекут. И тебя вычислят. Придут и спросят.

– О чем?

– Узнаешь о чем.

– Я ухожу!

– Сиди, не рыпайся.

Твердые пальцы тисками сдавили плечо Орешкина.

«Господи, откуда у него столько сил?»

– Я умираю, русский, понял? Умираю. А тебе повезло. Джекпот тебе достался, русский.

– О чем вы говорите?

– Денег хочешь? Много денег? Будут тебе деньги! Аллахом клянусь – будут. Ты не убегай, русский... Не убежишь?

Димка отрицательно мотнул головой. Старик отпустил его руку и принялся стаскивать с пальца массивный перстень.

– Слушай, русский, найди моего сына...

«Никаких историй!!!»

Упоминание о деньгах – больших деньгах! – на некоторое время заставило Орешкина позабыть об опасности. Но при словах «найди моего сына...» инстинкт самосохранения попытался взять верх над жадностью.

– Я ничего не возьму! И не буду никому ничего передавать.

Димка даже попытался встать, но старик, продемонстрировав отличную сноровку, успел вцепиться Орешкину в руку.

– Не будь дураком, русский!

И добавил несколько слов на своем языке. Ругался? Наверное, ругался. Строптивного Димку ругал и просто так, потому что больно. А когда больно, всегда ругаются.

– Я не возьму!

– Миллион, русский, миллион тебе сын даст, понял? Только не жадничай! Больше не проси! Миллион! Миллион даст, Абдулла у меня умный. Он все поймет. Он шакалов порежет, а тебе – миллион, понял, русский? Миллион! Только перстень Абдулле отдай, русский, отдай! И скажи, чтобы ей не верил.

– Кому?

– Он знает! Скажи: отец велел ей не верить! Ни одному слову не верить! Ей нельзя верить!

Старик замер. Замолк на полуслове, невидяще глядя на Орешкина. Димка наклонился к нему:

– Вы...

Умолк. Понял. Задрожал. С лихорадочной поспешностью разлепил пальцы мертвеца и бросился вверх по ступенькам, сжимая в кулаке окровавленный перстень.

* * *

С самого детства Мустафа Батоев страдал из-за своего невысокого роста. Он был самым маленьким парнем во дворе, самым маленьким учеником в классе, самым низеньким студентом на курсе. А если добавить к этому наличие избыточного веса да косой правый глаз, то картина получится совершенно безрадостная. Друзья над Мустафой посмеивались, девушки

в упор не замечали, а красавица Зина, по которой вздыхал едва ли не весь факультет, как-то заметила, что подобный внешний вид можно простить только Наполеону.

Батоев это высказывание запомнил.

Стиснул зубы, побледнел, но промолчал. Ушел с той вечеринки и до утра бродил по московским улицам.

«Наполеон? Хорошо. Раз ты настаиваешь – пожалуйста».

Ребенок, наделенный столь кошмарной внешностью, имеет все шансы вырасти закомплексованным неудачником, прикрывающим неуверенность громкими словами и рисованным поведением. Всю жизнь он будет доказывать самому себе, что чего-то стоит, любоваться мелкими победами и люто ненавидеть более успешных людей. Батоев же оказался слепленным из другого теста. Ему ничего не нужно было доказывать себе – только окружающим. Если мир не хочет смотреть на него как на равного, миру придется встать на колени и жалко взирать на Мустафу снизу вверх. Других вариантов и быть не может. Хитрый, как лиса, жестокий, как волк, и целеустремленный, как самонаводящаяся ракета, Батоев бросил вызов судьбе и победил. Он брался за самые сложные поручения и выполнял их с блеском. Он научился разбираться в людях и никогда не ошибался в поведении: кому-то – льстил, перед кем-то – заискивал, с кем-то – держался на равных. И в результате маленький студент, приехавший в Москву без гроша в кармане, поднялся настолько, что при желании смог бы купить всех бывших сокурсников оптом. Как Зину, которой пришлось дорого заплатить за легкомысленно нанесенное оскорбление.

Мустафа никому ничего не прощал.

Даже себе.

И любую, пусть даже самую мелкую неудачу Батоев переживал так, словно случилась катастрофа вселенских масштабов.

– Где? Куда он его дел?! Куда?!!

Мустафа приказал остановить машину на набережной, выскочил из бронированного «Хаммера» и пнул ногой колесо. Телохранители встали вокруг бушующего хозяина, но и они, и Хасан, ближайший помощник толстяка, старались не привлекать к себе внимания Батоева. Держались подальше и вели себя тихо-тихо, радуясь, что гнев Мустафы направлен не на них.

– Куда ты его дел, старый мерзавец? – Батоев с ненавистью посмотрел на четки, намотанные на руку. – Куда спрятал?

Короткий всхлип, еще один удар по неповинному джипу.

– Ненавижу!

Батоев обернулся. Маленькие глазки медленно обежали помощников, нащупывая жертву. На кого выплеснется бешенство хозяина? В такие моменты молчание становилось опасным, и Хасан решился подать голос:

– Может, сегодня старик не надел перстень?

– Он его не снимал. Никогда не снимал!!

– Но ведь мы его кончили, – буркнул помощник.

И втянул голову в плечи – настолько страшно сверкнул глазами Мустафа.

– Да плевать я хотел на это! Плевать!! Мне нужен перстень! Мне нужен перстень старого хрена! Сейчас! Немедленно!!

Он опоздал совсем ненамного – старик умер перед самым появлением Батоева. Неостывшее еще тело нашли на грязной площадке, среди мусора, в настолько вонючем месте, что даже запах крови там почти не ощущался.

«Собаке – собачья смерть», – пробормотал кто-то из телохранителей.

Мустафа не ответил. Или не услышал. Увидев поверженного врага, он не смог сдержать улыбку, которая, впрочем, почти сразу же исчезла: труп – это еще не все. Батоеву было нужно другое. Он торопливо спустился к старику, осмотрел его руки, выругался и с лихорадочной

поспешностью обыскал карманы убитого. А когда закончил, то... что это был за звук, никто не понял, но Хасан мог бы поклясться, что хозяин скрежетал зубами. Так скрежетал, что слышали даже оставшиеся наверху помощники. Потом Мустафа еще раз обыскал мертвеца, приподнял тело и тщательно осмотрел площадку. Рылся в мусоре. Снова ругался. Снова обыскивал. Замер, отрешенно глядя на старика, и позволил увести себя только при звуках sireны патрульных машин.

Потом он молчал, развалившись на заднем сиденье и вертя в руках прихваченные у мертвеца четки, а когда опасный район остался далеко позади, приказал остановиться и дал волю гнев.

– Облажались, твари! Предали!

Ничего не понимающий Хасан сделал несколько шагов назад. Что происходит? Старик мертв, все в порядке. Какой к чертям перстень? Своих мало?

– Все изгадили! Все!

Мустафа растоптал неосмотрительно зазвонивший телефон, разорвал ворот рубахи, словно мучился от удушья, и разбил один из фонарей любимого «Хаммера». Несколько случайных прохожих, шедших по набережной, осмотрительно обогнули участок, заставленный блестящими авто.

– Дети ослицы! Уроды!!

Припадок ярости длился сравнительно недолго, минут семь. То ли Батоев сумел излить весь гнев, то ли опомнился, осознал, что бесится у всех на виду, теряя лицо перед прохожими. Как бы то ни было, Мустафа пришел в себя, замолчал, облокотился на парапет набережной, процедил несколько слов и бросил в реку четки.

Хасан, которого нервировал прихваченный на месте преступления сувенир, перевел дух. И вновь напрягся: Батоев жестом велел ему приблизиться.

– Перед смертью старик с кем-то говорил, – негромко, но безапелляционно произнес Мустафа.

– Может, его ограбили? – робко предположил Хасан. – Мало ли вокруг отребья? Увидели умирающего и сняли с пальца перстень.

– Может, и ограбили, – кивнул Батоев. – Но почему, в таком случае, они оставили бумажник и часы?

– Не успели.

Мустафа помолчал, усмехнулся:

– Тебе придется найти воришку.

Хасан вздохнул:

– Понятно.

– Но я не думаю, что ты прав, – продолжил Батоев. – Я думаю, все гораздо хуже: старик с кем-то говорил перед смертью и сознательно отдал перстень.

– Почему хуже?

Ограбить умирающего мог любой бомж, сорвал с пальца перстень и был таков, ищи его теперь, прочесывая ломбарды и скупки. И совсем другое дело, если к старику поспешил на помощь приличный человек. Двор глухой, утро раннее – с вероятностью девяносто процентов можно сказать, что это житель одного из окрестных домов. Найти его – день работы.

– Почему второй вариант хуже?

– Потому что старик наверняка попросил доставить перстень сыну, – спокойно ответил Мустафа.

Но Хасан видел, чего стоило хозяину это спокойствие. Чувствовал, какая ярость кипит внутри Батоева.

– И если мое предположение оправдается, Абдулла может уже сегодня получить перстень.

Хасан тихонько вздохнул, мысленно досчитал до пяти и решил:

– Это плохо?

– Очень плохо, – подтвердил Мустафа. – Это значит, что мы напрасно грохнули старого ублюдка. Что мы крепко подставились, но ничего не получили. – Батоев выдержал паузу. – Хасан, я хочу, чтобы ты начал расследование. Я хочу, чтобы ты следил за действиями милиции. Я хочу, чтобы ты нашел уroda, который унес мой перстень, до того, как он придет к Абдулле. Это понятно?

– Да.

В глазах Мустафы вспыхнул гнев.

– Я спрашиваю: это понятно?!

– Я сделаю все, чтобы найти перстень, – твердо ответил Хасан.

– Так-то лучше. Но все равно недостаточно. – Батоев закурил сигарету. – Мне не надо, чтобы ты что-то там делал. Мне надо, чтобы ты нашел.

* * *

Улицу перегородили полностью, не пройти, не проехать. Машины, участвовавшие в перестрелке: тягач, мусоровоз, похожие на решето джипы, разбитый всмятку «Мерседес». Помимо них – патрульные «Жигули», микроавтобусы экспертов, кареты «Скорой помощи». Количество сотрудников милиции просто не поддавалось счету – армия! Врачей чуть меньше. И масса журналистов, поспешивших на место шумной разборки. Щелкают затворы фотоаппаратов, толкают друг друга операторы, торопливые вопросы людям, вдруг кто чего видел? Вдруг наткнешься на свидетеля, до которого еще не добрались милиционеры? Вдруг именно твой кровавый репортаж станет лучшим?

Комментарий, который дал вышедший к репортерам офицер, вызвал ажиотаж. Милиционера окружили плотной стеной, требовали говорить громче, перебивая друг друга, задавали вопросы. Когда все закончилось, «говорящие головы» принялись позировать, требовали от операторов вставить в кадр расстрелянные автомобили, трупы. Побольше трупов. С лихорадочной поспешностью проговорили тексты сообщений и бросились к фургончикам перегонять картинки в редакции – приближалось время новостей. Работа кипела. Трупы ждали отправки в морг. Эксперты собирали гильзы.

Димка, не сумевший пробиться к комментирувавшему происшествие милиционеру, угостил сигаретой стоявшего рядом мужика:

– Не слышал, кого шлепнули?

– Ибрагима Казобекова, – важно ответил тот.

– Ни фиги себе... – пробормотал Орешкин.

Даже Димка, не особо следящий за новостями, знал это имя – Ибрагим Казобеков. Его давно перестали называть бандитом, но все знали, что огромное состояние преуспевающего бизнесмена создано отнюдь не праведным путем. Впрочем, доказать что-либо можно только в суде, а с этим у Казобекова было все в порядке: свидетелей нет, доказательств нет, значит, чистый и честный. И все, нажитое непосильным трудом, – гостиницы, рестораны, сеть бензоколонок, ночные клубы – твое по праву. Владей, передавай по наследству.

– Большим человеком был, – продолжил мужик. – Миллионами ворочал, и что? Пуля в лоб, и до свидания. Вот и думай теперь, что лучше: миллионы или зарплата честная.

Сказал с таким видом, будто еще до полудня должен сделать нелегкий выбор: отказываться от богатства или нет?

– Менты, я слышал, говорили, что теперь в Москве большая буза начнется. У Ибрагима три сына, они за папашу всех рвать станут. Крови будет – море.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.